

ПРАВО

УДК 343.95

Р.Л. Ахмедшин

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассматриваются наиболее спорные аспекты криминальной психологии. Обосновывается идея актуальности отдельного изучения факторов, детерминирующих преступное поведение.

Ключевые слова: криминальная психология; личность преступника; преступное поведение.

Криминальная психология исторически является базовым теоретическим разделом юридической психологии. Предмет ее – психические закономерности, возникающие и существующие в системе «человек – преступление». Данный раздел юридической психологии исследует проблемы природы преступного поведения, преступной мотивации, групповой преступности, формирования преступных установок и, может быть, в целом преступного менталитета.

Задачами юридической психологии традиционно являются:

- изучение личности преступника;
- исследование роли личностного и ситуационного фактора в преступном событии;
- исследование последствий преступного поведения для личности, совершившей преступление, а также жертвы и общества в целом;
- изучение возможности корректировки преступных установок, её целесообразности и эффективности;
- интеграция психологического знания о личности преступника в иные правовые науки;
- поиск компромисса между этическими, социально-политическими и научными основами изучения личности преступника.

Последняя задача представляет фактически нерешаемую проблему, т.к., с одной стороны, доктрина уголовного права, выступая в качестве своеобразного социального государственного заказа, требует только таких результатов исследований, которые ей бы не противоречили. С другой стороны, положения доктрины уголовного права, являясь конструкцией искусственной, нередко противоречат научным выводам, полученным в результате исследований психологической составляющей феномена «преступление». К сожалению, данная задача в отечественной юридической психологии фактически никак не решается.

Существует специфика в использовании отдельных психологических методов при решении задач криминальной психологии. Так, в целом юридическая психология заимствует методы исследования у психологии общей ввиду достаточной схожести предмета исследования. Иная картина в криминальной психологии. Ситуация противостояния исследователя и исследуемого делает малоэффективным использование большинства известных методов.

Отношения, которые рассматриваются в криминальной психологии, преимущественно конфронтационные, поэтому использование традиционных методов возможно только в случае оптимизации их для целей

криминальной психологии. Рассмотрим эффективность использования конкретных методов в криминальной психологии.

Особенностью исследования личности преступника фактически всегда является ее ретроспективность (исследование личности преступника в обстановке, не включающей преступную составляющую). Если мы детерминируем преступное поведение как результат воздействия среды на личностно значимые компоненты психики, то исследование этих компонентов вне влияния среды всегда будет содержать коэффициент погрешности.

Биологические, социальные и психологические факторы формирования личности преступника.

Криминалистика и юридическая психология достаточно давно изучают личность преступника, однако если проанализировать динамику исследований, с достаточно высокой степенью надежности можно сделать вывод о понижении эффективности данного исследования. Используемые в современной криминалистической и психологической науке методики, базирующиеся на данных о личности преступника, являются в основном заимствованными (методика построения психологического профиля неизвестного преступника, методика географического профилирования, методика «анализ утверждений»).

По нашему мнению, важнейшей причиной подобного выступает некоторая «устарелость» исходных базовых положений в учении о личности преступника, базирующаяся не на научных, а на философских установках, имеющих преимущественно доктринально-идеологическое обоснование.

Научная бесперспективность философского подхода к проблеме изучения личности вообще определяется крайне высокой степенью вариативности индивидуальных характеристик человека. Объединяя в единое исследовательское пространство сильно отличающиеся объекты, мы объективно получаем ситуацию, в которой любые выводы будут характеризоваться высокой степенью абстракции и, как следствие, – неконкретности. Объединяя в одну исследовательскую группу серийного убийцу и неплательщика алиментов, мы автоматически уравниваем движущие этими лицами силы. Понятия «личность преступника» не существует, т.к. включает в себя громадное количество психологических инвариаций.

На уровне теоретического осмысления в названном уравнивании нам «помогает» установка о единстве, взаимосвязанности и взаимодополняемости биологиче-

ского, социального и индивидуально-психологического фактора человеческого поведения.

Однако насколько верно данное положение? Не противоречит ли оно тезису о необходимости эволюционной специализации? Не является ли данное положение ярким примером упрощенного подхода полуторевекой давности? Представляется, что дело обстоит именно так.

В современной персонологии существует достаточно большое количество самостоятельных теорий личности, противоречащих друг другу. Эти теории эмпирически подтверждены и порой очень слабо пресекаются. Вывод – психика людей не подчиняется какому-то единому общему алгоритму, определенные группы людей функционируют на различных этапах жизненного пути, а порой и просто в различных ситуациях по разным законам. Но если это так, то в психологических исследованиях личности преступника целесообразно несколько вернуться назад к дискуссиям о доминанте отдельного фактора человеческой психики у отдельных групп людей.

Данный призыв не представляет собой попытку пересмотра правового статуса личности в целом, нерационально оспаривать тезис о равенстве всех перед законом. Однако тезис о равенстве не предполагает тезиса об одинаковости людей, одинаковости сил движущих ими, одинаковости факторов, определяющих преступное поведение людей. Таким образом:

1. Тезис о взаимообусловленности биологического, социального и индивидуально-психологического факторов преступного поведения является целесообразным только в доктринально-правовом понимании, для реализации криминалистически значимых задач он тупиковый.

2. В криминалистике целесообразно разработать принципиально новую типологию личности преступника, основанием деления в которой на первых порах будет выступать доминирующий фактор психики.

Известный отечественный исследователь Ю.В. Чуфаровский, изучая соотношение биологического, социального и индивидуально-психологического, пришел к следующим выводам:

1. Попытку сопоставить соотношение биологического и социального в структуре личности в процессе ее онтогенеза предпринял К.К. Платонов, показав, что соотношение этих факторов неодинаково в различных подструктурах.

2. Косвенное, опосредствованное влияние социального фактора на особенности биологической подструктуры не менее очевидно, как и влияние биологического на подструктуру направленности личности, хотя пол, тип и структуру нервной системы, патологии и задатки человек получает при рождении. Даже биологическая подструктура, где речь идет о сугубо врожденных и наследственных свойствах индивида, не свободна полностью от влияния среды.

3. Достаточно сложным оказывается взаимодействие биологического и социального фактора на высшей подструктуре направленности, проявляющейся в личностных качествах и поведении человека, в характере его социальной активности [1. С. 196].

Как видно, речь не идет о равенстве проявления социального, биологического и индивидуально-психоло-

гических факторов, говорится только о самом факте их взаимосвязи и взаимообусловленности. Однако не могут три фактора быть идеально или примерно сбалансированы, т.к. это противоречит принципу эволюционной специализации организма. До сих пор не доказано, что данный принцип не регулирует нашу психическую деятельность.

Основные типы преступлений (насильственные и корыстные) радикально отличаются по своей природе, поэтому нецелесообразно говорить и об одинаковости причин их детерминирующих. Действительно, агрессивность и корысть – предельно различные образования, характерные для достаточно отличающихся групп преступников.

Биологическая детерминанта преступного поведения определяет вторичность сознательного контроля деятельности, в том числе и преступной, и лежит в основе значительного количества насильственных преступлений, связанных с потерей волевого контроля (о распространенности таких преступлений среди насильственных может служить практика назначения экспертизы эмоциональных состояний преступника). Биологическая детерминанта подробно исследована в работах Ч. Ломброзо (в отношении которых до сих пор не утихает критика и критиканство) о врожденном преступнике; С. Хоука, открывшего закон рекапитуляции (единая природа развития человека и общества), психогенетиков (исследования 47–51-го кариотипа). Суть сказанного вышеперечисленными авторами сводится к тому, что ряд лиц, характеризуясь проблемами в области волевого регулирования поведения, склонны к совершению насильственных преступлений. Отметим, что точку в дискуссиях о значимости биологического фактора в преступном поведении ставить еще очень рано. Лица, имеющие 47-й кариотип, не обнаруживают задержки умственного развития, и причину их генетически детерминированной агрессии асоциального поведения следует изучать на ином уровне. Вспомним, что если отечественные авторы зафиксировали частоту встречаемости данного кариотипа в среднем 1 к 1000, то зарубежные исследования показывают частоту 1 к 250. К тому же до сих пор не опровергнуты результаты исследования Кэсси о частоте встречаемости 47-го кариотипа среди 24% лиц с антисоциальным поведением, имеющих легкую степень умственной отсталости, и 8% преступников, имеющих нормальный интеллект.

Представляется, что внешняя противоречивость биологических исследований постулату о свободе воли человека не должна быть тем центральным моментом, который уже 40 лет тормозит данные исследования.

Социальная детерминанта преступного поведения естественно может отражаться преимущественно в преступлениях, которые могут предоставить преступнику социальные блага. Идея воспитания как основы преступного поведения (теория воспитания) нам кажется достаточно малосостоятельной, человек приемлет только те модели воспитания, которые гармонично ложатся в его психотипическое мировосприятие. Воспитать сенситива социопатом, а гипертима полностью законопослушным гражданином представляется крайне маловероятным. Теория же аномии (преступность есть результат специфической социальной эво-

люции) и субкультур (преступное поведение есть форма протеста против культуры) ориентированы на понимание преступности в целом, а их выводы крайне сложно использовать при понимании движущих сил отдельного преступника или группы преступников.

Социальная детерминанта превалирует при совершении корыстных преступлений. По сути деньги – это единственный феномен, который не имеет никакой аналогии в животном мире и характерен только для человека.

Приведем высказывания Э. Фромма [2] о социальной природе потребления.

«Великие Учители жизни отводили альтернативе “обладание или бытие” центральное место в своих системах. Как учит Будда, для того чтобы достичь наивысший ступени человеческого развития, мы не должны стремиться обладать имуществом. Иисус учит: “Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее. Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить, или повредить себе?”. По Марксу, роскошь – такой же порок, как и нищета; цель человека быть многим, а не обладать многим.

“Иметь” – на первый взгляд простое слово. Каждое человеческое существо что-нибудь имеет: тело, одежду, кров и так далее, вплоть до того, чем обладают современные мужчины и женщины: автомобиль, телевизор, стиральная машина и многое другое. Жить, ничего не имея, практически невозможно. Почему же в таком случае обладание должно быть проблемой? Тем не менее история слова “иметь” свидетельствует о том, что оно представляет собой подлинную проблему. Те, кто считает, что “иметь” является самой естественной категорией человеческого существования, будут, возможно, удивлены, узнав, что во многих языках слово “иметь” вообще отсутствует. В древнееврейском языке, например, выражение “я имею” должно быть передано косвенной формой *jesh li* (“это относится ко мне”). Фактически языки, в которых обладание выражается именно таким образом, превалируют. Интересно отметить, что в развитии многих языков конструкция “это относится ко мне” впоследствии заменялась конструкцией “я имею”, однако, как указал Бенвенист, обратный процесс не наблюдался.

Потребление – это одна из форм обладания, и, возможно, в современных развитых индустриальных обществах наиболее важная. Потреблению присущи противоречивые свойства: с одной стороны, оно ослабляет ощущение тревоги и беспокойства, поскольку то, чем человек обладает, не может быть у него отобрано; но, с другой стороны, оно вынуждает его потреблять все больше и больше, так как всякое потребление вскоре перестает приносить удовлетворение. Современные потребители могут определять себя с помощью следующей формулы: я есть то, чем я обладаю и что я потребляю.

Природа обладания вытекает из природы частной собственности. При таком способе существования самое важное – это приобретение собственности и мое неограниченное право сохранять все, что я приобрел. Модус обладания исключает все другие; он не требует от меня каких-либо дальнейших усилий с целью сохранять свою собственность или продуктивно пользоваться ею. В буд-

дизме этот способ поведения описан как “ненасытность”, а иудаизм и христианство называют его “алчностью”; он превращает всех и вся в нечто безжизненное, подчиняющееся чужой власти» [Там же. С. 324].

Стремление потреблять – естественное желание человека, однако чем больше он не уверен в себе, чем в большей степени неосознанно он понимает свою несостоятельность, тем более актуальной для него становится идея социального признания. В этой ситуации потребление заменяется на желание выглядеть потребителем в социуме, повысить своё положение за счет приобретения статусных вещей и услуг.

Понятно, что если потребность в потреблении слишком высока, то законопослушными свойствами её добиться очень сложно, что предопределяет высокую вероятность совершения корыстных преступлений. Сами же преступные установки становятся не причиной, а следствием неосознанного механизма психической защиты – рационализации.

Некоторые исследователи как социальный фактор воспринимают неправильную модель воспитания лица. Однако подобная модель не предназначена для передачи социального опыта, а скорее ориентирована на закрепление негативной реакции и психопатизацию личности, т.е. возврат к слабоконтролируемому поведению, вытекающему из биологически предопределенных характеристик личности. К числу неправильных моделей воспитания можно отнести следующие модели:

- 1) кумир семьи – ребенка чрезмерно обожают, культивируют чувство исключительности, освобождают от всех тягот, исполняют любые прихоти;
- 2) гиперопека – родители уделяют ребенку чрезмерное внимание, желают создать вундеркинда, подавляют самостоятельность, диктуют каждый шаг;
- 3) гипоопека – недостаточность внимания ребенку, здесь сказывается влияние улицы;
- 4) безнадзорность – более высокая степень гипоопеки, воспитанием никто не занимается;
- 5) золушка – ребенок лишен ласки, внимания со стороны старших, его унижают, перегружают работой, противопоставляют другим детям;
- 6) ежовые рукавицы – систематическая угроза избияния ребенка, диктаторские отношения, отсутствие ласки.

Индивидуально-психологический фактор преступного поведения исследован явно недостаточно, что вызывает значительные проблемы при изучении данной группы преступников. Рассмотрим серийных преступников как представителей, чье поведение детерминировано описываемым фактором. Серийным преступником следует считать лицо, совершившее три и более отдельных, разделенных между собой периодами эмоционального покоя преступления в отношении лиц, подпадавших под сложившийся в его сознании образ жертвы.

Выявление отличительных черт, присущих только серийным преступникам, порой сводится к поиску оригинального мотива преступления, однако «сами мотивы не могут быть преступными. Преступным способно быть только поведение, а оно зависит от выбора средств для реализации мотивов». Таким образом, мы сконцентрируем внимание не на особенностях проявления психики рассматриваемых преступников вовне, а на самих её особенностях.

Объективно сложно выдвинуть версию о причастности к совершению серийных преступлений лица, которое всеми окружающими воспринимается положительно, а именно данной особенностью часто отличаются серийные преступники.

Рассматриваемая особенность получила название «маска нормальности» и в своем содержании сводится к наличию способностей лица *казаться* абсолютно нормальным, психически полноценным человеком, не будучи таковым в действительности. Без сомнения, большинство серийных преступников характеризуются повышенным интеллектом, развитыми артистическими способностями, однако этот артистизм не объясняет возможности ведения двойной жизни в течение достаточно длительного времени. Другими словами, «маска нормальности» у серийных преступников не может быть объяснена осознанными ухищрениями по созданию преступником положительного имиджа, т.к. рассматриваемые попытки рано или поздно станут понятными окружающим людям.

Учитывая сказанное, выделим два момента исследуемой проблемы:

1. В своей некриминальной жизни, на взгляд постороннего наблюдателя, большинство серийных убийц являются ярко выраженными социально адаптированными личностями. Так, А. Сливко был залуженным учителем РСФСР, А. Сударушкин – доктором медицинских наук, профессором, А. Чикатило – уважаемым педагогом.

2. Если бы социально адаптированное поведение серийных убийц являлось результатом притворства, то окружающие их люди интуитивно почувствовали бы это или, во всяком случае, не смогли бы характеризовать серийных убийц безусловно положительно.

В чем же причина возникновения у ряда рассматриваемых лиц «маски нормальности»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что неосознаваемые потребности личности блокируются психикой из-за социальных запретов, усвоенных человеком. Чтобы блокируемые потребности не достигали критической массы, они «выводятся» вовне небольшими порциями. Эти процессы получили название механизмов защиты психики. Именно механизмы защиты личности обуславливают социально одобряемое поведение субъекта, хотя, естественно, приводят к незначительным конфликтным моментам, которые определяют несколько пониженное положительное восприятие человека окружающими.

Для серийных убийц в целом не характерны мало-значительные конфликты, что и приводит к формированию у окружающих мнения об идеальном супруге, замечательном отце, прекрасном соседе. Так как мы не находим в обыденной жизни серийных преступников последствий проявления механизмов защиты, то мы вправе предположить, что сброс энергии, бессознательного происходит у серийных преступников совершенно иным образом, чем у иных людей. Логичным представляется положение о том, что описанный выброс энергии происходит непосредственно в момент совершения преступлений. Другими словами, психика серийного убийцы ориентирована не на постепенный вывод бессознательной энергии, а на разовый ситуационный выброс. Именно поэтому подавляющее большинство серийных убийц не могут вспомнить свое состояние в момент совершения убийства. Представляется, что указанный выброс бессознательной энергии не является аналогом по отношению к механизмам защиты психики у обычных людей, т.к. последние уменьшают выход инстинктов до социально допустимого уровня, в случае же с серийными преступниками социально допустимых пределов не существует.

Таким образом, феномен «маски нормальности» серийного убийцы объясняется тем, что особенности его психики позволяют сбросить весь груз бессознательного напряжения в одномоментном акте, что приводит к исчезновению предпосылок действия механизмов защиты психики. Серийный убийца не притворяется нормальным человеком, после совершения преступления, лишенный груза инстинктов, он временно представляет собой образец психически сбалансированного человека. Рассмотренный механизм психологической регуляции обеспечивает серийному преступнику состояние психологического комфорта, поэтому, добиваясь его, серийный преступник будет совершать преступления вновь и вновь.

Наличие оригинальных психологических механизмов, вероятно, характерно и для иных групп преступников с доминантой индивидуально-психологического фактора, но данная тема еще ждет своих исследователей.

Без сомнения, сказанное о факторах, детерминирующих преступное поведение, несколько нетрадиционно, однако вероятно, что оно будет еще одним штрихом, раскрывающим секреты предельно сложного феномена – преступного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. М.: Право и закон, 1996.
2. Фромм Э. Психоанализ и религия. Искусство любить. Иметь или быть? Киев: Ника-Центр, 1998.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 октября 2010 г.